

ПОЛИСНАЯ ДЕМОКРАТИЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ АНТИЧНОСТИ

О. И. ХАНКЕВИЧ¹⁾

¹⁾Независимый исследователь, г. Минск, Беларусь

Автор выдвигает идею общинной природы греческого полиса и римской цивитас (главные разновидности полисного государства европейской Античности), власть и управление в которых строились на основе общинной модели: совет (сенат), народное собрание (экклесия, комиции), руководившие текущими делами архонты и магистраты. Полноправные и равноправные члены полисного социума – граждане (греч. *polites*, лат. *cives*) – принимали непосредственное участие в управлении (прямая демократия), утверждая голосованием законы и избирая членов магистратских коллегий (принцип народного суверенитета). Права и интересы граждан выражало и защищало частное (изначально гражданское) право, ряд достижений которого благодаря рецепированным средневековым кодексам стали достоянием современной цивилистики. В основе авторского метода разработки заявленной темы – опора на определения, характеристики и заключения представителей политико-правовой теории Античности и ученых современных международных школ антиковедения и романистики.

Ключевые слова: республика; демократия; гражданин; гражданская община; полис; цивитас; гражданское право.

POLIS DEMOCRACY OF THE EUROPEAN ANTIQUITY

O. I. KHANKEVICH^a

^aIndependent researcher, Minsk, Belarus

The author puts forward the idea of the communal nature of the Greek *polis* and Roman *civitas* (the main varieties of the polis state of European Antiquity), in which power and government were built on the basis of a communal model: council (senate), popular assembly (*ecclesia*, *comitia*), archons and magistrates in charge of current affairs. Full-fledged and equal members of the polis society, citizens (Greek *polites*, Latin *cives*), directly participated in government (direct democracy), approving laws by voting and electing members of magistrate colleges (the principle of popular sovereignty). The rights and interests of citizens were expressed and protected by the private (initially – civil) law, a number of achievements of which became, thanks to the Medieval codes, the property of modern civil law. The author's method of developing the topic is based on the definitions, characteristics and conclusions of representatives of the political and legal theory of Antiquity and scientists of modern international schools of classical and Roman studies.

Keywords: republic; democracy; citizen; civil community; *polis*; *civitas*; civil law.

Историко-политическая мысль Нового и Новейшего времени постоянно обращается к греко-римским (античным) истокам демократии, главные институты и принципы которой неизменно воспроизводятся с разной степенью модернизации в современном мире. При этом оценки античной демократии всегда были результатом конкретной

исторической ситуации: «...от пиетета по отношению к ней до критики и неприятия», – замечает Л. П. Маринович [1, с. 10]. Родиной демократии являются греческий классический полис (V–IV вв. до н. э.) и Рим республиканской эпохи (V–I вв. до н. э.), которые оставались по своему внутреннему устройству общинными структурами. Это была особая

Образец цитирования:

Ханкевич ОИ. Полисная демократия европейской Античности. Журнал Белорусского государственного университета. Право. 2021;1:13–18.

For citation:

Khankevich OI. Polis democracy of the European Antiquity. Journal of the Belarusian State University. Law. 2021;1:13–18. Russian.

Автор:

Ольга Ивановна Ханкевич – кандидат исторических наук, доцент.

Author:

Olga I. Khankevich, PhD (history), docent.
<https://orcid.org/0000-0002-2323-098X>
olgakhankevich.bsu@gmail.com

разновидность древней государственности, в рамках которой сформировались выборная и коллегияльная формы власти, институт гражданства и связанная с этим институтом система частного права. Римское частное право, изначально формировавшееся как право корпоративной общины граждан, стало называться гражданским. При этом содержание *ius privatum* и *ius civile* составляли одни и те же институты, а субъектами выступали лица, наделенные гражданским статусом. «Частный человек, человек вообще, – отмечает Д. В. Дождев, – обладает какими-то правами только как гражданин, и только как участник существующего в данном обществе правового общения становится... формальным субъектом права» [2, с. 104]. В полисном государстве впервые в истории общества возникла юридическая форма фиксации индивидуальных прав лица в качестве субъекта *ius civile* и были выработаны различные способы защиты этих прав. Следствием правовой формы регулирования частной жизни граждан стало появление свободного и автономного индивида, которого право рассматривало в его социально значимых проявлениях. Дозволительные и диспозитивные нормы гражданского права предоставляли субъектам возможность действовать своей волей и в своем интересе в соответствии с принципом *разрешено все, что прямо не запрещено*. Участники гражданских правоотношений сами определяли характер и объем возникавших друг перед другом прав и обязанностей, самостоятельно устанавливали процесс и вели защиту своих интересов в суде.

Анализируя вопрос соответствия политико-правовой греческой и римской лексики ее современным аналогам, отметим, что берущая начало от Античности шкала понятий, характеризующих государственное устройство, не содержит слова «государство». Перевод на русский язык греческого *politeia* и латинского *res publica* с использованием этого слова является, по сути, модернизацией [3, с. 5–6]. Вопрос о сущности государства решался Платоном и Аристотелем (IV в. до н. э.) методом выявления и описания форм политической власти. Аристотель выделил три правильных, или справедливых, формы (монархию, аристократию и демократию), которые при определенных условиях трансформируются в тиранию, олигархию и охлократию соответственно. Историки и философы античности крайне отрицательно относились к власти толпы (греч. *ochlos*), являющейся, по мнению Аристотеля, «той же тиранией, только разделенной среди многих» (Политика, V, 8, 21) [4]. Аристотелю вторит Платон, утверждавший, что безграничная свобода порождает величайшее и жесточайшее рабство (Полития (в переводе – «Государство»), VIII, 564a) [5; 6]. Наиболее совершенным государственным устройством Аристотель считал умеренную демократию, для обозначения которой он избрал

термин *полития*. Римские авторы использовали для описания демократического правления слово «республика» в значении «власть как достояние народа, его общее (*publica*) дело (*res*)». Подчеркнем, что в юридических и исторических памятниках Античности собирательное понятие «народ» (греч. *laos*, *demos*, лат. *populus*, *plebs*) прилагается к гражданскому коллективу полисного государства. Аристотель считал, что для достижения социальной справедливости (общего блага) «в политике должно править большинство», (Политика, III, 7, 1). Наряду с таким «количественным» подходом к делу организации системы управления в политической теории Античности возникла и концепция «достойных» (совр. *меритократия*), согласно которой управлять государством должны лучшие представители народа. Эти идеи общепольности власти, ее справедливого устройства утвердились в качестве основополагающего принципа идеологии и практики полисного государства. В контексте нашего анализа важно отметить, что описанные греческими мыслителями формы государственного устройства были не каким-то их умозрительным проектом, а реально существовавшими в ту эпоху политическими системами. Сами термины «политический» и «политика» являются производными от слова и понятия «полития», или «полис».

Возникновение полисной государственности стало итогом трансформации основанной на самоуправлении общинной организации в институционально оформленную политическую структуру, сохранявшую модель управления элементарной общиной. «В европейской Античности, – пишет Ю. В. Андреев, – община не поглощается и не вытесняется государством, напротив, само государство уподобляется здесь общине, говоря иначе, конституируется как община» [7, с. 71]. В полисном государстве это были совет старейшин (совет 500 в Афинах, сенат в Риме), ежегодно переизбираемые руководители текущей политикой (архонты и магистраты) и собрание полноправных членов общины, именуемых гражданами (греч. *polites*, лат. *cives*). Такая идущая от общины система власти наиболее полно воплотилась, согласно Полибию (II в. до н. э.), в римской гражданской общине (лат. *civitas*), соединившей три важнейших политических начала. Демократическое начало было представлено комициями с их широкими потестарными функциями. Формировавшийся из бывших магистратов сенат – политический центр республиканского Рима – олицетворял аристократический элемент, а наделенные полномочиями в сфере гражданского и военного руководства консулы выступали носителями монархического начала (Полибий, VI, 2–3, 5–9) [8]. По сути, Полибий выдвинул идею о смешанном государственном устройстве как наиболее совершенной его форме. Более детальную

разработку данная концепция получила в трактате Цицерона (I в. до н. э.) «De re publica», возродившись затем в политических теориях Нового времени (О государстве, I, 69–70) [9].

Одной из главных составляющих полисной демократии Аристотель считал свободу (греч. *eleutheros*, лат. *libertas*), которая может существовать «только в отношениях равенства» (Политика, III, 6, 4; V, 7, 22). Характеризуя систему управления полисом, греческие авторы использовали слова *исегория* (буквально – «равенство в речи») и *исократия* (буквально – «равновластование»). Отметим, что на принципах равного доступа к власти и свободы слова строится и современная демократия. Однако грек и римлянин мог участвовать в политической жизни, обладать определенными правами и социальными гарантиями только в качестве члена обособленного от остального населения гражданского сообщества. Сам концепт свободы положительно определялся теоретиками Античности на основании факта принадлежности человека к такому сообществу. Неписанная конституция римской республики, выражавшаяся словами *leges libertasque*, т. е. «законы и свобода», характеризуется в антиковедении как одна из разновидностей аристотелевской умеренной демократии. Существование же демократии, в интерпретации Цицерона – справедливой социальной системы, «возможно только при наличии законов, правосудия и прочного государственного строя» (Об обязанностях, II, 11, 40) [10]. Правопорядок в полисном государстве опирался не только на комплекс разрозненных законодательных актов, но и на предписания обычаев в виде идущей от предков традиции (лат. *mores maiorum*). Феномен общинного устройства ранних государств объясняет особенности менталитета их населения, воспринимавших эти «заветы предков» не как некий пережиток, а как активно действующий фактор социальной жизни [11, с. 69–74].

Постепенно главным регулятором всех сторон жизнедеятельности полисного государства становится право – основной структурообразующий компонент его политико-правовой системы, дифференцирующий признак сложившегося государства. Письменно зафиксированный закон (лат. *lex, legis*) Цицерон определял как тот высший разум, руководствуясь которым «люди способны отличать право от бесправия, честное от позорного, доброе от злого» (О законах, I, 44; 48–49) [9]. Все политические и социальные преобразования облекались в законодательную форму и выносились на утверждение народного собрания. Это означает, что гражданский коллектив являлся тем сувереном, который легитимировал решения других органов управления. При этом реализация принципа народного суверенитета имела разные формы. В римской цивитас граждане утверждали законопроекты, разработанные

наделенными правом законодательной инициативы магистратами. В афинском полисе, в котором неукоснительно соблюдалась свобода слова, таким правом обладали и рядовые граждане. Любой участник первого в году народного собрания, экклесии, мог предложить закон, который с одобрения совета экспонировался на центральной площади, агоре. В случае выявления у законопроекта критиков, из состава суда присяжных, *гелизи*, формировалась комиссия, проверявшая новый закон на его соответствие демократической «конституции» Афин. Если критика признавалась справедливой (греки образно называли ее жалобой на противозаконие), автор оспоренного законопроекта подвергался крупному штрафу. Аprobация афинским судом законов говорит о том, что, помимо прямых своих обязанностей, гелизя осуществляла, по современным понятиям, и функцию конституционного контроля.

Концентрация населения полиса и цивитас на небольшом пространстве города-государства делала возможным непосредственное участие всех граждан в управлении. Возникновение системы прямого народовластия англоязычные антиковеды объясняют естественным следствием существования *face-to-face society*. Отсюда и основополагающий политический принцип функционирования полисной гражданской общины: государство – достояние и забота народа (в античном понимании этого слова), осуществляющего власть как в прямой форме, голосованием, так и через своих представителей, магистратов. Утверждая новые законы и кандидатов в магистратские коллегии, гражданский коллектив выступал в качестве суверенного и правомочного в своих решениях органа власти. Однако сама эта власть имела определенные особенности, которые не укладываются в современную концепцию власти народа, т. е. понимания демократии как системы народовластия. При отсутствии сословного и имущественного цензов лидерами становились, как правило, представители знати. Объясняется это прежде всего тем, что государственная деятельность была сопряжена с вложением личных средств в строительство храмовых и гимнастических комплексов, организацию военных кампаний и массовых зрелищ, строительство дорог и акведуков. Требовалась и определенная подготовка в области риторики и юриспруденции (законы разрабатывались магистратами). Все виды публичной коммуникации происходили в устной форме, а в ходе предвыборных митингов кандидаты были обязаны в доступной форме вербализировать свои программы. Однако заставить многотысячную аудиторию слушать и тем более убедить ее в чем-либо мог только подготовленный и опытный политик. Поэтому Ф. Миллар считает политического и судебного оратора главной фигурой общественно-политической жизни республиканского Рима [12, р. 112, 124, 136].

Это естественное лидерство было основано на максимализации таких качеств политиков, как личный авторитет, общественный престиж и, что немало важно, происхождение от достойных родителей. Постоянная демонстрация заслуг предков, организация в их честь пышных погребальных церемоний, сопровождавшихся перечислением гражданских достоинств усопшего, свидетельствуют, насколько представители знатных семей зависели от симпатий избирателей. Для общественного сознания рассматриваемой эпохи «качества политика всегда были неотделимы от человеческих», – отмечает С. Л. Утченко [13, с. 65–66]. Любая избирательная кампания носила конкретно-ситуативный характер – получивший негативную оценку сограждан кандидат тут же выбывал из борьбы. Помощь в политической борьбе друзей, родственников и многочисленных клиентов являлась общественно признанной практикой, породившей термин «партия» (лат. *pars, partis*), обычно употребляемый с добавлением имени лидера. Члены подобных «персональных» партий поддерживали своего лидера не только в агитационных кампаниях, но и в нередких судебных тяжбах с оппонентами – именно народные собрания и суды были в полисе и цивитас центрами политической борьбы. Их участникам (по ироничному выражению Фукидида, зрителям речей) и адресовали свои речи ораторы, стараясь повлиять на результаты голосования или исход судебной тяжбы. Для завоевания популярности у народа широко практиковалась и политическая благотворительность. В Афинах подготовка и проведение театральных и спортивных агоний возлагались в виде литургий на состоятельных граждан. В Риме представители нобилитета занимались организацией массовых зрелищ и угощений для народа, продажей по сниженным ценам ввозимого из провинций зерна. Вопросам формирования списков таких льготников посвящено множество фрументарных, т. е. хлебных, законов, являющихся ярким свидетельством законодательного подтверждения тех или иных социальных программ. Даже самый талантливый политик мог утратить всякое влияние, если он не давал подачек и развлечений городскому плебсу, лозунг которого (*хлеба и зрелищ*) стал нарицательным [14].

В афинском полисе выдвижение на магистратскую должность сопровождалось проверкой кандидата (греч. *докимасия*) на наличие у него гражданского статуса и фамильного склепа, исполнение им воинской обязанности и проявление почтения к родителям. А по истечении срока служебных полномочий экс-магистрат должен был представить отчет, неотъемлемой частью которого являлось обоснование правомерности использования им государственных средств. Если веских доказательств державший отчет стратег не мог предоставить или

если он проиграл какую-то военную кампанию, его подвергали *остракизму*, т. е. изгнанию на десятилетний срок. Обвинителями должностных лиц, особенно в момент сдачи ими отчета народному собранию, нередко выступали добровольные доносители, *сикофанты*. Т. В. Кудрявцева ставит проблему подобной гражданской инициативы в контекст существовавших в полисном государстве механизмов социального регулирования. И афинская, и римская судебная система была построена на добровольной инициации иска и добровольном обвинении. Сикофанты, с одной стороны, выявляли нарушения законов и различные злоупотребления властью, с другой, получали материальную выгоду в виде части возложенной на виновного суммы штрафа. «Прямая демократия», – отмечает Т. В. Кудрявцева, – приводила к парадоксальной ситуации – демос не нес ответственности за собственные ошибки, но не прощал чужие и был крайне требователен к своим военачальникам...» [15, с. 80]. Остракизм, помимо функции контроля над исполнительной властью, был еще и способом расправы с наиболее популярными в среде демоса политиками, исключавшимися на длительный срок из общественной жизни полиса. Так как изгнание было внесудебной формой наказания, его применение нередко размывало границу между политическим противостоянием и личной враждой. При этом изгнанник сохранял права на имущество и возможность досрочного возвращения, но опять же по решению народного собрания. В римской республике эпохи кризиса (II–I вв. до н. э.) издавалось множество законов, направленных на борьбу с электоральной коррупцией (*de ambitu postulare*). Дело в том, что римские политики обогащались за счет грабежа населения внеиталийских владений этого государства – *провинций*, наместничество в которых можно было получить только после занятия высшей магистратуры в самом Риме. Еще одним способом обогащения был победоносный военный поход, дававший полководцу право на *триумф* – торжественный въезд в город с пленными и награбленной добычей, пополнявшей государственную казну. Уже не крестьянский труд на земле, не высокие нравственные качества и последовательное прохождение магистратур (лат. *cursus honorum*), а наличие богатства и многочисленных клиентов являлись показателями высокого престижа государственного деятеля. Стремясь достичь карьерного роста, успешные политики и полководцы стали использовать в борьбе за магистратуры различные приемы нечестной конкуренции, включая шантаж и подкуп. Обвиненный в коррупции магистрат также наказывался изгнанием (лат. *exilium, deportatio*), которое подразумевало «отлучение от общинного родника и домашнего очага». Так как депортация приравнивалась к гражданской смерти, изгнанник терял право на возвращение на

родину. В целом судебная деятельность и содержание законов были тесно связаны в полисе и цивитас с политической жизнью, с формами противостояния различных группировок политиков. Наличие в латинском языке четко дифференцированной политико-правовой лексики подтверждается маркировкой подобных группировок специальным термином – *factiones*, что отличало их от более обширных и устойчивых партийных союзов.

В полисном государстве существовал широкий спектр социальных градаций, но определяющим было место индивида в системе гражданских связей и отношений. Это значит, что главное размежевание в среде свободного населения проходило по линии *граждане – неграждане*, т. е. юридически полноправные и неполноправные люди. Но, обладая политическим равенством, сами граждане не были равны в социальном отношении. Среди них были знать и простонародье (фактор происхождения), бедные и богатые, одни из которых трудились сами, другие – эксплуатировали чужой труд (экономический фактор). Эта сословно-функциональная дифференциация предопределяла сферу занятости и условия быта граждан полиса и цивитас. Однако независимо от профессии и степени материального достатка сословия знати и простых граждан составляли единую политико-правовую общность, именуемую в римской цивитас *populus Romanus quiritis*, т. е. римский народ квиристов. Смысловое значение латинского *populus* и греческого *laos* идентично: граждане-мужчины, главы индивидуальных домохозяйств, именуемые в качестве ополченцев гоплитами и квиритами. В рамках всего общества существовало разделение на свободных и рабов (юридический фактор). Так как кабальное рабство граждан запрещалось в законодательном порядке, в рабов обращали пленных и купленных чужеземцев. Особым источником рабов было естественное воспроизводство, о чем упоминает Юстиниан: «В силу права народов (лат. *ius gentium*) нашими рабами являются люди, захваченные из среды врагов или же рожденные нашими рабынями» (Дигесты, I, 5, 5) [16]. Факт иноземного происхождения рабов лежит в основе не прекращающихся в мировой науке о древности дискуссий о рабовладельческом характере полисного государства. Согласно современной концепции рабы не являлись в полисе и цивитас общностью

экономического характера, поскольку не имели определенного места в системе общественного производства и были рассеяны по разным ячейкам римского социума [17–19]. В самом развитом афинском полисе, значительное место в экономике которого занимали ремесло и торговля, рабы составляли, по подсчетам М. Берента, 35–40 % всего его населения [20, с. 244]. Но так называемый рабский вопрос не был связан с функционированием гражданского общества – рабы как объекты права приравнивались к имуществу их хозяев, к разряду «говорящих орудий» труда. В этом отношении показательным является такой факт: главной целью восставших под руководством Спартака римских рабов (I в. до н. э.) были личная свобода и возвращение на родину, что подтверждается неоднократными попытками армии повстанцев вырваться за пределы Италии.

Подведем итоги. Полисную демократию мы рассматриваем как результат естественной эволюции древнегреческих и древнеримских городов-государств второй половины I тыс. до н. э., сохранявших и развивавших общинные институты и традиции. Прямая законодательная деятельность народа-граждан, важнейшая составляющая античной демократии, свидетельствует, что гражданский коллектив был тем сувереном, который легитимировал решения других органов управления полисным государством. Гражданское общество полиса и цивитас (греч. *koinonia politike*, лат. *societas civilis*) строилось на устойчивых горизонтальных связях, предпочтении мнения большинства в решении всех вопросов внутренней и внешней политики. Главное отличие городских республик европейской античности от других политий древности – правовая форма регулирования всех сторон государственной и частной жизни нормами публичного и гражданского права. *Ius civile* утверждало личные и имущественные права граждан, выработав те формы и способы (институты) выражения и защиты этих прав, которые благодаря рецепированным кодексам стали достоянием современной цивилистики. Право, выборная и коллегиальная власть, демократическая общественная система и институт гражданства стали базовыми основами полисной демократии. «Без понимания природы городской гражданской общины, т. е. полиса, – считает С. Л. Утченко, – невозможно осмыслить историю Античности» [13, с. 230].

Библиографические ссылки

1. Маринович ЛП. *Античная и современная демократия: новые подходы*. Москва: ИВИ РАН; 2002. 212 с.
2. Дождев ДВ. Методологические проблемы изучения римского права: индивид и гражданское общество. *Вестник древней истории*. 2003; 2:91–111.
3. Дементьева ВВ, Чеканова НВ. К дискуссии о возникновении римской государственности. В: *Политические структуры и общественная жизнь Древнего Рима*. Ярославль: ЯрГУ; 1993. с. 3–9.
4. Аристотель. *Политика. Афинская полития*. Москва: Мысль; 1997. 458 с.
5. Платон. *Собрание сочинений. Том 3*. Москва: Мысль; 1994. 654с.

6. Платон. *Собрание сочинений. Том 4*. Москва: Мысль; 1994. 830 с.
7. Андреев ЮВ. Гражданская община и государство античности. *Вестник древней истории*. 1989;4:70–74.
8. Полибий. *Всеобщая история. Том 2*. Санкт-Петербург: Ювента; 1995. 420 с.
9. Цицерон Марк Туллий. *Диалоги. О государстве. О законах*. Москва: Наука; 1966. 224 с.
10. Цицерон Марк Туллий. *Диалоги. О старости. О дружбе. Об обязанностях*. Москва: Наука; 1975. 248 с.
11. Ханкевич ОИ. Первичные государства древности: особенности формирования и устройства. *Юстиция Беларуси*. 2020;8:69–74.
12. Millar F. *The Roman Republic and the Augustan*. London: Chapell Hill; 2002. 383 p.
13. Утченко СЛ. *Политические учения Древнего Рима. III–I вв. до н. э.* Москва: Наука; 1977. 256 с.
14. Purcell N. The city of Rome and the *plebs urbana* in the late Republic. In: Crook SA, Lintott A, Rawson E, editors. *Cambridge Ancient History. Volume 9*. Cambridge: Cambridge University Press; 1994. p. 644–688.
15. Кудрявцева ТВ. Процессы в связи со сдачей отчета в Афинах в V в. до н. э. и «дело Пахета». *Вестник древней истории*. 2013; 4:74–84.
16. Кофанов ЛЛ, редактор. *Дигесты Юстиниана. Том 1*. Москва: Статут; 2002. 584 с.
17. Суриков ИЕ. Греческий полис архаической и классической эпох. В: Деметьева ВВ, Суриков ИЕ, редакторы. *Античный полис*. Москва: Университет Дмитрия Пожарского; 2010. с. 8–54.
18. Деметьева ВВ. Римская *civitas* республиканской эпохи. В: Деметьева ВВ, Суриков ИЕ, редакторы. *Античный полис*. Москва: Университет Дмитрия Пожарского; 2010. с. 130–175.
19. Хайнен Х. Расцвет и упадок советских исследований о рабстве. Очерк взаимосвязи политики и науки. *Вестник древней истории*. 2014;4:143–178.
20. Берент М. Безгосударственный полис: раннее государство и древнегреческий полис. В: Крадин НН, Коротаев АВ, Бондаренко ДМ, Лынши ВА, редакторы. *Альтернативные пути к цивилизации*. Москва: Логос; 2000. с. 236–256.

References

1. Marinovich LP. *Antichnaya i sovremennaya demokratiya: novye podkhody* [Ancient and modern democracy: modern approaches]. Moscow: Institute of World History of Russian Academy of Sciences; 2002. 212 p. Russian.
2. Dozhdev DV. Methodological problems of the study of the Roman law: individual and civil society. *Vestnik drevnei istorii*. 2003;2:91–111. Russian.
3. Dement'eva VV, Chekanova NV. [On the discussion of the emergence of the Roman statehood]. In: *Politicheskie struktury i obshchestvennaya zhizn' Drevnego Rima* [Political structures and social life in Ancient Rome]. Yaroslavl: Yaroslavl State University; 1993.p. 3–9. Russian.
4. Aristotle. *Politika. Afinskaya politiya* [Politics. Constitution of the Athenians]. Moscow: Mysl'; 1997. 458 p. Russian.
5. Plato. *Sobranie sochinenii. Tom 3* [Collected works. Volume 3]. Moscow: Mysl', 1994. 654 p. Russian.
6. Plato. *Sobranie sochinenii. Tom 4* [Collected works. Volume 4]. Moscow: Mysl', 1994. 830 p. Russian.
7. Andreev YuV. [Civil community and ancient state]. *Vestnik drevnei istorii*. 1989;4:70–74. Russian.
8. Polybius. *Vseobshchaya istoriya. Tom 2* [Histories. Volume 2]. Saint Petersburg: Yuventa; 1995. 420 p. Russian.
9. Cicero. *Dialogi. O gosudarstve. O zakonakh* [Dialogues. De re publica. De legibus]. Moscow: Nauka; 1966. 224 p. Russian.
10. Cicero. *Dialogi. O starosti. O druzhbe. Ob obyazannostyakh* [Dialogues. De senectute. De amicitia. De officiis]. Moscow: Nauka; 1975. 248 p. Russian.
11. Khankevich OI. [Primary states of Antiquity: features of formation and arrangement]. *Yustitsiya Belarusi*. 2020;8: 69–74. Russian.
12. Millar F. *The Roman Republic and the Augustan Revolution*. London: Chapell Hill; 2002. 383 p.
13. Utchenko SL. *Politicheskie ucheniya Drevnego Rima. III–I vv. do n. e.* [Political doctrines of Ancient Rome. III–I centuries BC]. Moscow: Nauka; 1977. 256 p. Russian.
14. Purcell N. The city of Rome and the *plebs urbana* in the late Republic. In: Crook SA, Lintott A, Rawson E, editors. *Cambridge Ancient History. Volume 9*. Cambridge: Cambridge University Press; 1994. p. 644–688.
15. Kudryavtseva TV. [Trials related to the submission of the reports in 5th century BC and Pachet's trial]. *Vestnik drevnei istorii*. 2013;4:74–84. Russian.
16. Kofanov LL, editor. *Digesty Yustiniana. Tom 1* [Digesta Iustiniani. Volume 1]. Moscow: Statut; 2002. 584 p. Russian.
17. Surikov IE. [Greek archaic and classical polis]. In: Dement'eva VV, Surikov IE, editors. *Antichnyi polis* [Ancient polis]. Moscow: Universitet Dmitrija Pozharskogo; 2010. p. 8–54. Russian.
18. Dement'eva VV. [Roman *civitas* of the republican era]. In: Dement'eva VV, Surikov IE, editors. *Antichnyi polis* [Ancient polis]. Moscow: Universitet Dmitrija Pozharskogo; 2010. p. 130–175. Russian.
19. Khaynen H. [Rise and decline of the Soviet studies of slavery: a brief note on the ties of the politics and science]. *Vestnik drevnei istorii*. 2014; 4:143–178. Russian.
20. Berent M. [Stateless polis: early state and Ancient Greek polis]. In: Kradin NN, Korotaev AV, Bondarenko DM, Lynshi VA, editors. *Al'ternativnye puti k tsivilizatsii* [Alternative ways to civilization]. Moscow: Logos; 2000. p. 236–256. Russian.

Статья поступила в редколлегию 21.04.2020.
Received by editorial board 21.04.2020.